

Стенограмма
Круглого стола «Реформирование экономики в период социально-экономического кризиса: опыт Перестройки и современность»
14 мая 2015 года

«Наращение массовой усталости от обещаний, которые накопились к началу 90-х годов, - один из ключевых факторов сползания страны в турбулентность».

Сергей Афонцев (ИМЭМО РАН)

Оттолкнусь от ряда важных выводов, которые были сделаны в докладе Р.Г. Пихоя и порассуждаю о том, почему анализ периода ускорения и перестройки крайне важен с точки зрения понимания того, что происходит сейчас.

Во-первых, Перестройка - это очень показательный социально-политический эксперимент, который позволяет сделать много выводов относительно возможностей контролируемости динамики политико-экономических процессов в условиях быстрых перемен. Переход от одного состояния политики, экономики к другому, всегда сопровождается вопросами: а этот переход будет постепенным, гладким либо катастрофическим. Такой переход всегда будет сопровождаться более высокими или более низкими издержками. Причем в издержки нужно включать и время. Потому что когда мы говорим, что некий переход сопровождается более низкими издержками, но при этом идет дольше, такой переход сопровождается альтернативными издержками. То есть мы упускаем какие-то возможности, которые могли бы быть достигнуты в течение времени, которое на переход затрачено. Это, собственно говоря, один из ключевых аргументов сторонников шоковой терапии. А, наоборот, степень болезненности краткосрочного перехода может перевешивать выигрыши от этого перехода, что, собственно говоря, всегда было ключевым аргументом градуалистов.

Глядя на то, что реально происходило в 80-е – начале 90-х годов, можем понять, что может ожидать страну, которая вступила в период перехода от одного состояния экономики и общества к другому. Это первая сторона вопроса.

Вторая сторона вопроса - это очень конкретные аллюзии начала и середины 80-х с текущим днем. Застой в экономическом развитии, холодная война и обострение противостояния с Западом, крайне жесткий акцент на вопросах политической стабильности в ущерб экономическому развитию, поиски ресурсов для продления существования системы в неизменном положении за счет трубопроводов, раньше на Запад, теперь на Восток. Больше того, даже неудавшаяся попытка ускорения, которая, на мой взгляд, достаточно четко читается в доктрине модернизации, которая тихо и бесславно умерла примерно с такой же формулировкой, как в 1987-м году доктрина ускорения.

Прежде всего, возникает вопрос: где та точка, после которой возникает сама идея относительно необходимости что-то поменять? Понятно, что для возникновения этой точки, для осознания необходимости поменять нужно что-то больше, чем просто воля политических лидеров.

Про алармистские сигналы, которые возникали в конце 70-х – начале 80-х годов, что когда-то кончится нефть - теперь мы понимаем, что нефть никогда не кончится. Снижаются темпы роста промышленности. Ну и что? Ну, не растет она и не растет. Это в Китае нужно поддерживать темпы роста 8% ВВП, чтобы просто кормить растущий народ. Если население особо не растет, может быть, и хватит. Ресурсная рента есть. Возникает вопрос: может быть, нужны какие-то внешние угрозы: если в условиях враждебного окружения нужен дополнительный объем ресурсов, их взять неоткуда, и тогда какие-то изменения будут.

Эмпирика показывает, что должен формироваться некий политико-экономический фон, на котором будут приниматься решения о переходе, транзите. Что мы можем сказать относительно предпосылок для

формирования запроса на транзит и относительно его некатастрофичного протекания? Запрос на транзит – это либо осознание элитами неких возможностей, которые не используются в рамках текущей политико-экономической системы. Это то, что происходило в середине 80-х. А с другой стороны, это осознание элитами возможности получения некоей массовой поддержки за счет обещаний массам тех либо благ, либо возможностей, которых массы были лишены в условиях предшествующей политико-экономической системы.

После того, как было принято эмпирически продиктованное решение о трансформации социально-политической, экономической системы – перестройка, переход от ускорения к перестройке, знаковым был доклад Горбачева «Октябрь и перестройка. Революция продолжается» (1987 г.) В этом докладе было сказано главное: происходит революция, это, действительно транзит, это фундаментальное изменение природы системы.

Возникает вопрос: при каких условиях такое фундаментальное изменение может осуществляться некатастрофично? То есть, условно говоря, были ли шансы в 80-е годы осуществить транзит без событий 1991-го года? И второй вопрос: можем ли мы выйти из той застойной социально-экономической ситуации, которая наблюдается сейчас, тоже некатастрофично и перейти на новую траекторию экономического развития?

Выясняется, что есть, с моей точки зрения, две группы условий такого некатастрофичного перехода. Во-первых, эта возможность комбинации массовой и элитной поддержки градуальных преобразований. Градуальных – имеется в виду поэтапных, без катастрофичного слома системы и без рисков, мягко скажу, социально-экономической турбулентности, глубокой турбулентности.

На чем базировался массовый энтузиазм первых лет правления Горбачева? Народ почувствовал, что ему пообещали, во-первых, что-то новое, а во-вторых, то, в чем он нуждается. Вещи, которые были очень хорошо проанализированы на элитном уровне, на уровне Закона о

предприятиях, - что это дало руководителям предприятий? Помимо того, что это дало руководителям предприятий очень большие выгоды, это заодно многое дало и коллективам этих предприятий.

Можно сейчас говорить о том, в какой мере выборность руководителей, цехов была обоснованной или необоснованной. Естественно, это был очень сильный эксперимент и очень сомнительный. Но это было некоторое новшество, которое позитивно воспринималось с точки зрения массовой поддержки. Понятно, что такую массовую поддержку, если не подкрепить экономическими результатами, долго выдержать невозможно. Соответственно, нарастание массовой усталости от обещаний, которые накопились к началу 90-х годов, - это одно из ключевых, на мой взгляд, условий или факторов сползания страны в турбулентность.

Что такое элитная поддержка? Это значит: надо элите либо оставить то, что у нее есть, либо дать что-то взамен того, чего она лишилась. Если бы обмен власти на собственность произошел без раскола самой элиты и при сохранении массовой поддержки, не исключено, что ровно это было бы фактором стабилизации экономико-политической ситуации.

Собственно говоря, приватизация начала 90-х во многом сделала именно это. Она убила у элит стремление к жесткой оппозиции и происходящим преобразованиям. Их купили. Им дали то, что они ценили выше, чем то, что они раньше имели.

В рамках, к сожалению, оборвавшегося градуального перехода от планируемой экономики и единого государства к турбулентной ситуации начала 90-х – из этих двух факторов работала половина. На мой взгляд, это большая трагедия. С точки зрения науки можно сколько угодно обсуждать, можно ли было ее предотвратить. Есть исследования, которые показывают, что в некоторых странах это удалось, а в некоторых странах не удалось. Опять-таки детерминизма здесь никакого нет.

Но тем не менее, если мы хотим говорить о том, что уроки перестройки нами должны быть усвоены и каким-то образом реализованы сейчас, речь

должна идти о том, что мы должны не просто искать теоретически эффективные рецепты реформирования экономики (как экономист, я буду говорить про реформирование экономики), а те рецепты, которые реально могут получить поддержку на уровне массовых и на уровне элитных групп общества.

Я полностью согласен с тем, что было высказано в пользу программы «500 дней». Она была очень разумной именно с точки зрения последовательности. Это был такое руководство: делай раз, делай два, последовательность такая, а не сякая. Если с ног на голову поставить, то результат будет уже другой. Но это некий технократический конструктивизм. Это именно то, что в идеале хорошо было бы делать.

Но большинство рецептов, которые были зафиксированы в программе «500 дней», просто не имели шансов получить политическую поддержку, причем не только элитную, но и массовую. Это главная проблема. Собственно говоря, для меня это ключевой фактор того, что она в результате была отвергнута. То есть кроме интеллектуалов, которых интересовало: а как это на самом деле должно быть, у нее не было поддержки со стороны тех, от кого что-то зависело в политической системе. Потому что политическим элитам нужно было сохранение власти либо обмен власти на собственность. Массам тоже было, мягко говоря, безразлично, в какой последовательности будут реализованы те или иные шаги. И апеллировать к массам для поддержки программы «500 дней» было невозможно.

С моей точки зрения, если мы, к сожалению, из такого не очень позитивного опыта осуществления преобразований конца 80-х – начала 90-х должны извлечь какие-то полезные для нас выводы, то это вывод о том, что предложения по реформам должны формулироваться так, чтобы либо обеспечивать пошаговый консенсус элит и масс, на каждом шагу обеспечивать поддержку того предложения, которое мы выдвигаем дальше. Либо мы должны сказать, что это может быть какое-то технократическое решение, которое, как решение Кабмина, будет сформулировано и без

обсуждения сброшено в общество. Но тогда эти решения, чтобы быть успешными, должны приносить быструю отдачу. Это то, что сделал Бальцеревич в Польше. То есть давайте на общем энтузиазме сделаем такой пакет, он даст быструю отдачу, и вокруг результата мы сформируем консенсус.

Это то, что де-факто стало результатом приватизации по Чубайсу. Среди элитных групп, которые могли бы торпедировать дальнейшее развитие экономических преобразований, быстро возникла политическая поддержка тому, что было сделано. И, в общем, до последнего времени эта поддержка была.

А сейчас надо смотреть. Если мы пытаемся найти какие-то другие пути, идти по китайскому пути, надо смотреть, какие ресурсы у нас для этого есть. Если не политическая поддержка, то что?

Если идти по китайскому пути, где взять столько рабочей силы, чтобы создать новые производительные промышленные предприятия, притом что старые непроизводительные будут продолжать функционировать и двадцать лет будут обеспечивать политическую стабильность, как в Китае? Если это невозможно, если из села у нас рабочая сила была выжита в 30-е годы (а китайцы начали ее выжимать в 70-е годы) то понятно, что условия для развития китайской экономической модели при Горбачеве просто отсутствовали. А если отсутствовали, то тогда, да, то, что было сделано - можно сломать государственную систему. Собственно говоря, и надо было ее ломать.

Но тогда нужно было понять, что будет спад производства, будет безработица, будет падение реальных доходов населения. И в этих условиях политической поддержки градуальных реформ вы не дождетесь. И в этих условиях, может быть, столь много критикуемый вариант быстрых преобразований, который, тем не менее, дает быстрые результаты хотя бы на отдельных направлениях, был отнюдь не самой плохой стратегией. И может

быть, к ней еще придется обращаться в ближайшее пятилетие уже в современной России.

На самом деле на результатах шоковой терапии экономика России до сих пор держится. Я повторю: есть две стратегии. Градуальная, которая основана на элитном и массовом консенсусе. И краткосрочная, шоковая, которая создает этот консенсус за счет получения краткосрочных результатов. Естественно, их природа принципиально разная. То, что делалось в 80-е годы, представляло собой первый путь реформирования. То, что было сделано в начале 90- годов, это второй путь реформирования. Но второй путь реформирования (шоковая терапия) – это естественный результат того, что первый не сработал.

Отчасти я соглашусь с тем, что номенклатура сорвала перестройку. В том смысле, что в рамках элит не сложился консенсус о поддержке тех преобразований, которые происходили в рамках единого союзного государства. Потому что элиты распадались на региональные. Элиты выходили на отраслевой уровень и т.д.

Я бы еще добавил, что массовой поддержки тоже уже не было к 90-му году. В 89-м она еще была. Но после того, как первый путь не получил поддержки ни элитной, ни массовой, оставался только второй. Какова была альтернатива? Боюсь, что единственную альтернативу на теоретическом уровне сформулировал именно Абалкин: зафиксировать советскую экономику и потом двигаться. Другое дело, что никто не знает, как зафиксировать. Зафиксировали Пизанскую башню, но дальше уже с ней уже ничего не сделали. Она и сама очень хорошая... Если бы мы зафиксировали точно так же советскую экономику... Во-первых, непонятно, можно ли это было сделать, а во-вторых, она была такая, что точно никто бы не сказал, что она хорошая.

Б.Ф. Славин. Но массовой поддержки шоковой терапии не было.

С.А. Афонцев. Была. Это важный момент. На разных этапах возникала массовая поддержка разных вещей. Появлению продуктов на прилавках в

1992 году была такая массовая поддержка, что после этого народ согласился терпеть многое из того, что потом было. Согласились на падение реальных доходов, лишь бы на упавшие доходы можно было купить то, что появилось. Это тоже массовая поддержка. Это тоже нельзя сбрасывать со счетов.

О.М. Здравомыслова. Я бы поддержала в данном случае Бориса Федоровича Славина. В каком смысле? Что значит - народ согласился? Мы пропускаем точку очень важную, про которую нельзя забывать. И это уже вопрос отчасти экономический, но в основном политический. Мы пропускаем 1993 год. Не 1991, а 1993 год, после которого народ уже не мог на что-нибудь согласиться или не согласиться.

С.А. Афонцев. Вы имеете в виду - в экономике или в политике?

О.М. Здравомыслова. Когда народ не соглашается, он выступает против. Он выходит, протестует, требует. А когда ему показывают, что если он делает шаг, то дальше следует расстрел, то он уже не делает этого шага.

С.А. Афонцев. У меня несколько другая точка зрения на события 93-го года.

О.М. Здравомыслова. Как бы к этому ни относиться, мы прекрасно понимаем всю сложность той ситуации. Но в то же время этот рубеж, этот политический кризис, закончившийся расстрелом парламента, как раз стал тем пунктом, после которого массовая реакция была уже не так важна. С ней уже все сделали.

С.А. Афонцев. На самом деле если посмотреть на поведение домохозяйств экономически (я в данном случае не комментирую политические вещи), если посмотреть на то, как домохозяйства реагировали на экономические трудности, четко видно, что они ушли в чистую экономику, в стратегию максимизации реальных доходов задолго до событий осенью 93-го года. То есть они сказали: мы на это согласны, и мы в рамках этих новых условий готовы самостоятельно работать на повышение реальных доходов, чтобы получить доступ к тем возможностям, которые открылись в 1992-м году. Если посмотреть на политическую активность и

опросы, которые были в начале 90-х годов, люди сразу ушли из политической сферы преимущественно в сферу максимизации личных доходов.